36 тысячъ талантовъ

Въ ростовской совѣтской газетѣ я видѣлъ какъ то портретъ рабочаго съ надписью:

— «Герой труда», слесарь Гололобовъ.

И тутъ же было поясненіе, что «герой труда» починилъ ватеръ-клозетъ на мельницѣ Парамонова. Много, дескать, слесарей и до Гололобова брались за это дѣло, но ни одинъ не имѣлъ успѣха. И только, когда пришелъ Гололобовъ, клозетъ былъ починенъ и всѣ вздохнули съ облегченіемъ.

За этотъ подвигъ Гололобовъ и въ газеты попалъ и получилъ чинъ — «героя труда».

Большевики очень любятъ разстрѣливать, но еще больше любятъ «награждать». Въ каждомъ пустякѣ они готовы видѣть «достиженіе» (починилъ сортиръ!), и на каждое «достиженіе» смотрятъ непремѣнно съ точки зрѣнія сиваго мерина.

Сейчасъ они очень носятся съ петербургской дѣтворой, гдѣ внезапно обнаружено 36.000 талантовъ.

— Композиторы, танцоры, скрипачи, віолончелисты, художники, піанисты и пр. и пр. и пр.

— Какимъ образомъ были обнаружены 36 тысячъ дарованій?

А изволите ли видѣть, въ Петербургѣ, въ «Домѣ художественнаго воспитанія дѣтей» былъ устроенъ «конкурсъ юныхъ дарованій», о которомъ товарищъ Кировъ сказалъ:

— «36 тысячъ малышей, прошедшихъ черезъ конкурсъ — это только кусочекъ новаго великаго творчества. Пройдетъ еще немного времени и вы увидите, во что выльется это великое дѣтское творчество».

Конечно, и Кировъ смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія сиваго мерина. И весь этотъ неприличный шумъ поднятъ съ цѣлью необузданнаго хвастовства и саморекламы.

— Гдѣ и у кого имѣется еще «Домъ художественнаго воспитанія пролетарскихъ дѣтей»? А у насъ имѣется. Гдѣ еще въ одинъ присѣстъ было обнаружено 36 тысячъ талантовъ? А у насъ обнаружено.

Конечно, если бы Кировъ былъ умнѣе, онъ не гнался бы за такими головокружительными цифрами, онъ могъ бы допустить, что и среди пролетарскихъ дѣтей бываютъ дѣти обыкновенные, необладающія никакими дарованіями. Но такъ какъ точка зрѣнія сиваго мерина въ СССР обязательна, то совѣтскій ораторъ и бабахнулъ изъ пушки...

— Надо же было ему доказать, что ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ не дѣлается такъ много для дѣтей, какъ въ СССР.

Но какъ только вы попробуете отойти отъ этой дурацкой рекламы и окунуться въ дѣйствительную жизнь, такъ тотчасъ же замѣтите, что русскій ребенокъ обреченъ на самое безжалостное мучительство, и что изъ всѣхъ дѣтей земного шара это самый жалкій и самый несчастный ребенокъ.

Будемъ говорить объективно.

— На свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ было бы такъ много людей разстрѣляно, какъ въ Россіи. А такъ какъ послѣ разстрѣлянныхъ остаются обыкновенно сироты, то СССР является не чѣмъ инымъ, какъ самой большой въ мірѣ фабрикой сиротъ.

Остаются сироты и послѣ ссыльныхъ, умершихъ на постройкахъ каналовъ, въ Якутскѣ и въ другихъ злачныхъ мѣстахъ.

Ничуть не преувеличивая, надо сказать, что на земномъ шарѣ нѣтъ и быть не можетъ такой страны, гдѣ количество сиротъ могло бы сравниться съ Россіей.

— Первая страна въ мірѣ!

И по «безпризорности» тоже первая.

Прочитайте разсказъ талантливой совѣтской писательницы Сейфулиной и вы узнаете отъ нея, какъ живутъ и растутъ «дикія» дѣти въ Россіи. Ночуютъ въ пещерахъ, за городомъ, какъ волчата, а красть и нищенствовать ходятъ въ городъ.

Дѣти разутыя и раздѣтыя, голодныя и больныя, дѣти зараженныя и забытыя всѣмъ міромъ. Дѣти безъ пристанища...

Ничего несчастнѣе нельзя себѣ даже представить.

Другіе совѣтскіе авторы даютъ ту же картину звѣринаго дѣтскаго быта.

Въ образцовыхъ колоніяхъ для морально дефективныхъ дѣтей царитъ пьянство, воровство, развратъ.

Это въ совѣтскихъ газетъ я читалъ, что мальчики - школьники изнасиловали свою учительницу...

А теперь позвольте же спросить: какую цѣну можетъ имѣть «Домъ художественнаго воспитанія дѣтей» въ Петербургѣ и 36 тысячъ талантовъ, открытыхъ въ столицѣ?

Но это вѣдь далеко еще не все. Говоря о совѣтскомъ ребенкѣ, нельзя обойти молчаніемъ дѣтей-сыщиковъ, дѣтей-шпіоновъ, дѣтей-провокаторовъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ ГПУ!

Черезъ этотъ духовный развратъ и моральное разложеніе прошли тысячи маленькихъ негодяевъ, которые доносили на «папу и маму», доносили на сосѣдей, на учителей, на товарищей.

Развѣ не въ совѣтскихъ газетахъ писали о наградахъ, выданныхъ дѣтямъ за поимку голодныхъ крестьянъ, «воровавшихъ» на поляхъ свой хлѣбъ?

И тѣмъ не менѣе, для заграницы и для рекламы имѣется «Домъ художественнаго воспитанія для дѣтей» и 36 тысячъ талантовъ!...

Александръ Яблоновскій.

Похороны убитыхъ

Вчера днемъ происходили похороны шести манифестантовъ, скончавшихся отъ ранъ, и лученныхъ во время безпорядковъ 9 и 12 февраля. Въ 14 час. изъ института судебной медицины были вынесены гробы и шествіе направилось на кладбище Перъ Лашезъ, гдѣ были произнесены рѣчи у стѣны, у которой въ 1871 году были разстрѣляны участники парижской коммуны. Говорили Кашенъ и другъ.

Въ шествіи принимало участіе до 16 тысячъ человѣкъ съ лидерами коммунистовъ во главѣ. Толпа до 3000 любопытствующихъ присутствовала на похоронахъ. Никакихъ происшествій не было. Гробы преданы землѣ и близости отъ "стѣны" коммунаровъ.

Вчера же похоронили тѣло націоналиста Лекорта, раненаго 6 февраля, — на кладбищѣ Воживаръ.

Переписчицы въ поѣздахъ

Желѣзныя дороги Великобританіи приступаютъ къ нововведенію: скорые поѣзда будутъ снабжены двумя переписчицами на машинкѣ. Отдѣленіе машинистокъ будетъ превращено въ бюро современнаго типа. Здѣсь можно будетъ разбирать корреспонденцію, диктовать письма, снимать копіи съ бумагъ. На станціяхъ, гдѣ поѣздъ не останавливается, мѣшокъ съ подлежащими отправленію письмами будетъ выбрасываться станціоннымъ почтовымъ чиновникамъ. Работы въ поѣздѣ по перепискѣ будутъ оплачиваться по обыкновенному тарифу.

Этотъ новый починъ жел. дор. обществъ вызвалъ сочувствіе со стороны дѣловыхъ людей, отъѣзжающихъ изъ Лондона рано утромъ и вслѣдствіе того не имѣющихъ возможности распечатать поступившія письма.

Кража креста

Изъ серебряной раки, хранившейся въ часовнѣ испанскаго замка Санъ-Лазаро, похищенъ восьмиконечный крестъ, который считается одной изъ величайшихъ святынь испанской церкви. Этотъ крестъ, носящій названіе "Креста Каравакі", украшенъ драгоцѣнными камнями, и внутри его заключена частица Св. Креста.

Украденный крестъ былъ святынней всей Мурсіи съ XIII вѣка. Тампліеры, сражаясь за обладаніе Гренадою, носили съ нимъ въ бой противъ мавровъ. Все населеніе Караваки повергнуто въ уныніе. Въ знакъ траура, двое сутокъ были закрыты всѣ лавки и кафе. Открыта подписка на выкупъ креста у неизвѣстныхъ преступниковъ. Любопытно, что воры не тронули серебряную раку и оставили почти всѣ драгоцѣнности на мѣстѣ.

Кладъ въ Капенѣ

На сѣверной окраинѣ Рима, возлѣ Капены, группа итальянскихъ археологовъ - любителей обнаружила реликвіи промежуточнаго періода между эпохами этрусковъ и римскихъ императоровъ.

Археологи открыли сперва, что развалины христіанскаго храма эпохи императоровъ были застроены кирпичными зданіями республиканскаго періода. Тогда они принялись за болѣе тщательное изученіе. Подъ фундаментомъ храма они нашли много христіанскихъ гробницъ, рядъ небольшихъ фигуръ христіанскихъ святыхъ. На большой глубинѣ они нашли плиты съ надписями республиканской эпохи. Эти плиты, по всѣмъ признакамъ, были ранѣе использованы для строительной цѣли. Снявъ ихъ, рабочіе увидѣли сводъ, а подъ нимъ — большое въ видѣ куба подземелье, стѣны котораго были выложены старинной терракотовой черепицей.

Выстукивая стѣны, археологи нашли за одной изъ нихъ пустоту. Стѣна была разобрана, и тамъ оказался гробъ, наполненный до верху грудой издѣлій изъ золота республиканскаго времени.

Среди найденныхъ предметовъ (всѣ въ прекрасной сохранности) множество массивныхъ ожерелій, браслетовъ, цѣпочекъ и колецъ. Большинство предметовъ — тонкой филигранной работы; многіе украшены драгоцѣнными камнями. Стоимость находки пока не поддается исчисленію.

Возлѣ мѣста раскопокъ выставлена сильная фашистская стража. Сокровища будутъ переданы въ римскій археологическій музей. Участники раскопокъ получатъ особую награду отъ правительства.

Дѣти-обвинители

Въ камерѣ судебнаго слѣдователя въ Ліонѣ происходила 16 февраля необычная картина. Трое дѣтей обвиняли отца въ убійствѣ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. 1 февраля инспекторъ полиціи (сюрте) Набійонъ убилъ изъ револьвера свою жену. При убійствѣ присутствовали трое малолѣтнихъ дѣтей (старшему 12 лѣтъ). — Убійца былъ арестованъ и далъ слѣдующее объясненіе слѣдователю:

— Я получилъ деньги, 125 фр., и изъ за этихъ денегъ у меня съ женой произошла ссора. Жена дала мнѣ пощечину и плюнула мнѣ въ лицо. Для того, чтобы ее испугать, я взялъ револьверъ. Она мнѣ сказала: «Стрѣляй, если ты не трусъ». Я не зналъ, что револьверъ заряженъ. Произошелъ выстрѣлъ. Я не имѣлъ намѣренія убить жену.

Къ изумленію слѣдователя, вызванные очевидцы происшествія, дѣти, заявили, что видѣли, какъ отецъ заряжалъ револьверъ и что онъ, отецъ, далъ пощечину матери.

Смерть угольнаго магната

Угольный магнатъ Игнатій Нечекъ въ Аусигѣ скончался въ возрастѣ 78-ми лѣтъ. Нечекъ былъ самымъ богатымъ человѣкомъ Чехословацкой республики. Онъ только — четыре дня тому назадъ — отпраздновалъ свою золотую свадьбу и по этому случаю пожертвовалъ 600.000 чешскихъ кронъ различнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, носящимъ его имя. Городское управленіе Аусига постановило лучшую улицу города назвать именемъ Нечека.

Шофферу

Былъ шофферъ какъ тучный злакъ,
Былъ шофферъ какъ твердый знакъ,
Злакъ — по скольку хлѣбомъ гордъ,
Знакъ — по скольку волей твердъ.
Ибо многое посмѣлъ,
Ибо все преодолѣлъ,
Ибо десять тысячъ «рю»,
Кромѣ улицы Дарю,
Кромѣ разныхъ тупиковъ
Отъ пятнадцати вѣковъ,
Онъ вмѣстилъ въ свои концы,
И посады и дворцы...
И въ проклятый «сапсъ-уникъ»
Быстрымъ разумомъ проникъ.

***

Былъ шофферъ и кумъ и сватъ
Доброхотенъ тароватъ.
И была его рука
Въ высшей степени легка,
Все давалъ, да все давалъ
И на церковь и на балъ,
На пріюты, на сиротъ,
На артельный огородъ,
На «кассъ круты» здѣсь и тамъ,
На палатки скаутамъ,
На кутюръ, кто хочетъ пить,
На вино, кто хочетъ пить.
Изъ ломбардовъ выкупалъ,
Поручался и влипалъ,
Пѣсней душу веселя,
За чужіе векселя.
А потомъ давалъ опять
И не шелъ ни разу вспять,
Потому что онъ шофферъ,
Потому что «рьенъ а-феръ»
Потому что, такъ сказать,
Невозможно отказать
И нуждѣ назначить мѣру...
...Вотъ когда мы всѣ должны
Старый долгъ отдать шофферу.

Валентинъ Горянскій.

Огни Парижа

ПРИКАЗЪ ПРЕФЕКТА СЕНЫ

1-го февраля передъ самымъ выходомъ въ отставку префектъ деп. Сены Ренаръ подписалъ приказъ, только что опубликованный въ официальныхъ изданіяхъ. Ренаръ, систематически занимавшійся убранствомъ Парижа и всегда возстававшій противъ дурного вкуса, который проявляется коммерсантами въ цѣляхъ рекламы, этимъ приказомъ запрещаетъ рекламныя вывѣски въ цѣломъ рядѣ районовъ города.

Всякаго рода вывѣски и плакаты, въ томъ числѣ и свѣтящіеся — въ первую очередь временные, на коленкорѣ, — должны быть убраны въ районѣ площади Этуаль и всѣхъ улицъ, расходящихся отъ нея. Должны быть убраны всѣ вывѣски на Елисейскихъ Поляхъ и на авеню де ля Грандъ Армэ. Магазины, кафэ, кинематографы, которые существуютъ въ этомъ районѣ, могутъ конечно имѣть вывѣски, но должны подчиниться многимъ правиламъ. Такъ, начиная съ 1 августа 1935 г. съ вывѣсокъ должны исчезнуть всѣ цвѣтные огни: разрѣшается только бѣлый свѣтъ.

Къ опредѣленному сроку должны быть убраны всѣ свѣтящіяся вывѣски, находящіяся на крышахъ домовъ. Вывѣски впредь могутъ находиться лишь на такой высотѣ, чтобы ихъ нельзя было видѣть съ площади Этуаль на радіусѣ 600 метровъ.

Вниманію налогоплательщиковъ

Плательщикамъ налоговъ напоминается, что тѣ изъ нихъ, которые еще полностью не заплатили налоговъ за 1932 г. должны это сдѣлать до 1 марта 1934 года, во избѣжаніе начета.

Если къ этому сроку недоимки не будутъ уплачены, то налогоплательщикамъ придется ихъ заплатить въ увеличенномъ на 10 процентовъ размѣрѣ.

ПОМОГИТЕ СЕМЬЯМЪ РУССКИХЪ БЕЗРАБОТНЫХЪ ШОФФЕРОВЪ

Несчастье на охотѣ

Недавно въ джунгляхъ Непаля произошло несчастье, которое считаютъ самой большой охотничьей катастрофой Индіи за 200 лѣтъ.

Охоту устроилъ магараджа Іодхо Чемшоръ. Охотники на трехстахъ слонахъ выѣхали въ джунгли, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ туземцевъ въ качествѣ загонщиковъ. Они выгнали тигровъ на охотниковъ, которымъ удалось убить четыре великолѣпныхъ экземпляра.

Но при этомъ загонщики, вооруженные только длинными копьями, оказались по близости отъ выкопанныхъ ямъ, съ заостренными столбами, прикрытыми травой. Одинъ изъ тигровъ, легко раненый, бросился на людей.

Среди загонщиковъ возникла паника. Охваченные страхомъ, они бросились бѣжать; при этомъ до ста загонщиковъ попадали въ незамѣченныя ими ямы, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ оказались нанизанными на заостренныхъ столбахъ.

Погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ.

16-го сего февраля тихо скончалась

Марія Африкановна КАРПОВА,

о чемъ съ глубокой скорбью извѣщаютъ мужъ, его дѣти и друзья покойной. Отпѣваніе сегодня, въ воскресенье 18 февраля въ 12 часовъ дня въ нижней церкви на ул. Дарю. Погребеніе на клад. бищѣ Thiais.

Любая ПАРФЮМЕРІЯ Вамъ будетъ быстро прислана на домъ. Доставка безплатно.

Позвоните **LITTRE 66-47**

Національная Лотерея

Продажа 7, 8, 9 и 10-го выпусковъ
Цѣлыми билетами, половинами четвертями и десятыми частями

ТИРАЖЪ 7-го ВЫПУСКА — 27 ФЕВРАЛЯ ВЪ 9 Ч. В.

ЛЮКСЕМБУРГСКАЯ ЛОТЕРЕЯ (Свипстейкъ)

Цѣлый билетъ	38.— фр. фр.	ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ дополнительно:	
1/2 »	19.— » »	ФРАНЦІЯ ...	1— фр.
1/4 »	10.— » »	ЗАГРАНИЦА .	3.— »
1/8 »	6.— » »		

Всѣ порученія въ Россію

A. GODOVANNIKOFF 30, Quai de Passy, PARIS-16e
Téléph. : JASMIN 01-50 Métro : PASSY

ВХОДЪ ВЪ КОНТОРУ ТОЛЬКО съ боковой улицы (2, av. René-Boylesve)

отъ 9 ч. до 7 час. веч. безъ перерыва не исключая субботъ и воскрес.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ.

Москва

МОЛОДОСТЬ. БУНИНЪ

Можно ошибиться въ годѣ, когда встрѣтились. Но не ошибешься въ томъ, что была зима, Неопалимовскій переулокъ, звѣзды на ночномъ небѣ («и острый Сиріусъ блисталъ»), огненно-сухая, снѣжная пыль изъ подъ копытъ «рѣзваго». Яркій свѣтъ, тепло, запахъ шубъ въ передней профессора Р. Хозяинъ, нестарый еще психіатръ съ волнистыми волосами, въ бѣломъ галстукѣ (при пиджакѣ), шелъ въ гостиной у рояля, громко и смѣло:

«Цѣловался крѣпко... да-а... съ твоей же-е-ной!» (Схватывая себя при этомъ за кокъ на лбу).

Въ столовой молодежь — не то художники, не то студенты, не то поэты, не весьма основательныя дамы, и съ черными кудерьками, карими чудесными глазами сама хозяйка, Любочка Р. Всѣ эти Зиночки, Лены, Васеньки — ея пріятели. У Любы тяготѣніе къ модерну. У нея встрѣтишь и Бальмонта, и Балтрушайтиса. Она читаетъ «Симфоніи» Андрея Бѣлаго. И ея братъ, Георгій, только что вернувшійся изъ Сибири, вскорѣ разовьетъ свой «мистическій анархизмъ».

Психіатръ занимался циркулярнымъ психозомъ, ѣздилъ въ клиники на Дѣвичье Поле, на дому лѣчилъ гипнозомъ (больше пьяницъ). Принималъ у себя молодежь. Относился къ читателямъ «Симфоній» съ благодушной снисходительностью, частью какъ къ паціентамъ. Но задавала тонъ Люба — ласковостью, весельемъ, оживленіемъ. Весь этотъ кругъ литературно-артистическій носилъ оттѣнокъ легкой беззаботной художнической богемы.

Такъ же шумѣли, хохотали и танцовали въ промежуткахъ между пѣніемъ и въ тотъ вечеръ, когда въ столовой, подъ рулады баритона изъ гостиной, впервые увидалъ я Бунина. Онъ сидѣлъ за стаканомъ чая, подъ яркимъ свѣтомъ, въ сюртукѣ, трехугольныхъ воротничкахъ, съ бородкой, боковымъ проборомъ всѣмъ теперь извѣстной остроугольной головы — тогда русо-каштановой — изящный, суховатый, худощавый. Ласково блестя на него глазами, встряхивая черными завитками волосъ, улыбалась изъ-за самовара Любочка.

Пѣніе оборвалось, раздались аплодисменты. Психіатръ быстро вошелъ въ столовую, оглядѣлъ всѣхъ побѣдоносно. Налилъ стаканъ воды изъ стекляннаго кувшина, залпомъ выпилъ, надышавъ туда. Поправилъ шевелюру, и сверкнувъ мужицкими своими глазками, весело спросилъ:

— Ну, какъ?

Это относилось къ пѣнію. Всѣ зааплодировали, онъ тронулъ бѣлый безсмысленный галстукъ, и на лакированныхъ ботинкахъ прослѣдовалъ въ кабинетъ, гдѣ какой нибудь Васенька выяснялъ отношенія съ какой нибудь Зиночкой.

Этотъ свѣтъ и тепло квартиры, бѣлизна скатерти, любины кудряшки, молодое оживленіе вокругъ, остроугольный, элегантный Бунинъ — такъ и смѣшались въ памяти съ морозной ночью и звѣздами, надъ Москвой — въ ощущеніи остро-поэтическомъ.

***

Встрѣтились мы будто бы случайно. Но принадлежа къ одному кругу, занимаясь однимъ дѣломъ, не могли и далѣе не встрѣчаться. Видѣлись у Леонида Андреева, Телешова, Сергѣя Глаголя — на собраніяхъ писателей «Середа». А тамъ Литературный кружокъ, ресторанъ «Прага»....

Пестрой и шумной, легкой и радостной кажется теперь жизнь тогдашней Москвы. Можетъ быть, просто молодость? Необычайное по силѣ чувство жизни?

Но — и само время: какое привольное, сколь подходящее для артистическаго! Какой интересъ къ литературѣ! Сколько молодыхъ дарованій.... Сколько споровъ, волненій, чтеній, удачъ и неудачъ, изящныхъ женскихъ лицъ, зимнихъ санокъ, блеска ресторановъ, поздныхъ возвращеній....

Иванъ Алексѣевичъ жилъ тогда по гостиницамъ: въ номерахъ «Столица» на Арбатѣ (рядомъ съ «Прагой»), позже въ «Лоскутной» и «Большомъ Московскомъ». (Изъ «Столицы» этой, по арбатскому снѣжку, ходилъ завтракать въ Староконюшенный, гдѣ обиталъ во флигелѣ у Михайлова братъ его Юлій).

Осѣдлости не любилъ Бунинъ, — выпче здѣсь, завтра ужъ въ Петербургѣ, а то въ Крыму — или, вдругъ, взяли да и уѣхали они съ Найденовымъ на Рождество въ Ниццу — тогда визъ не требовалось!

Живя въ Москвѣ, бывалъ и у насъ, по разнымъ Остоженкамъ, Спиридоновкамъ, Богословскимъ и Благовѣщенскимъ. Подъ знакомъ поэзіи и литературы входилъ въ мою жизнь: съ этой стороны и остался въ памяти. Всегда въ немъ было обаяніе художника — не могло это не дѣйствовать. Онъ былъ старше, опытнѣе и сильнѣе. Я нѣсколько его боялся, и по самолюбію юношескому ревниво себя оберегалъ. Мы говорили очень много — о стихахъ, литературѣ, модернизмѣ. Много спорили — съ упорствомъ и горячностью, каждый отстаивая свое — въ глубинѣ же, подспудно, любили почти одно и то же. Но онъ уже сложился, я лишь слагался.

На «Средахъ» слушали чужія вещи и свои читали. Леонида Андреева, милаго Сергѣя Глаголя я не стѣснялся (хотя Глаголь и говорилъ иногда: «Зайчикъ, не разводи своихъ нѣжностей, дай мнѣ что нибудь съ жутью». Онъ обожалъ Леонида Андреева и признавалъ только «жуть»).

Но вотъ Бунинъ, именно меня «стѣснялъ». И тогда уже была въ немъ строгость и зоркость художника, острое чувство слова, острая ненависть къ излишеству. А время, обстановка, какъ разъ подталкивали писателя начинающаго «запускать въ небеса ананасомъ» (Бѣлый). Но когда Бунинъ слушалъ, иногда фразы застревали въ горлѣ. Снова скажешь: сколь литературное время! И какъ преданы мы были своему занятію.

Разъ, выѣхавъ вечеромъ изъ Москвы въ Петербургъ — Иванъ Алексѣевичъ, я, и жена моя, занимались мы въ вагонѣ, часовъ въ десять вечера, чтеніемъ вслухъ: онъ читалъ стихи, я разсказъ (везъ его въ «Шиповникъ»). Именно тамъ, съ глазу на глазъ, въ купэ второго класса Николаевской дороги, при смутномъ свѣтѣ свѣчи, сильно мигавшей, неповторимомъ запахѣ русскаго вагона, неповторимо-плавномъ ходѣ поѣзда Имперія и ощущалъ я давленіе въ горлѣ — на сомнительныхъ словесныхъ выражахъ. Поѣздъ неужоснительно-покойно шелъ зимними нашими полями. Тепло струилось по коридору, занавѣска на фонарикѣ покачивалась — полные своихъ плановъ, стремленій и чувствъ мы летѣли къ туманному Петрограду.

***

«Почему вы грустны? Почему сегодня такой молчаливый?» спрашивалъ меня иногда на «Средахъ» Бунинъ.

Въ молодости грусть, и замкнутость — не проявленіе ли силъ еще бродящихъ, неувѣренныхъ? Робости, гордости?

Во всякомъ случаѣ, простыя слова старшаго, взглядъ сочувственный, — какъ то оживляли. И хотя отвѣчалъ я не весьма складно и продолжалъ молчать, все же это облегчало, и вотъ запомнилось. Значитъ, было на пользу.

Въ одинъ апрѣльскій вечеръ «Середа» собралась у Сергѣя Глаголя въ Хамовникахъ (недалеко жилъ Толстой, наше же мѣсто было мало-поэтическое: Глаголь, въ юности увозившій изъ суда Вѣру Засуличъ, теперь служилъ полицейскимъ врачемъ и квартира его помѣщалась въ домѣ Части. Посѣщали же его, среди другихъ, Горькій, Короленко...)

Кто тогда читалъ, я не помню. Но въ этой самой квартирѣ, гдѣ изъ окна видна была каланча, а въ комнатахъ — смѣсь акушерства съ литературой и этюдами Левитана, и подарилъ мнѣ въ тотъ вечеръ Иванъ Алексѣевичъ только что вышедшую книгу: «Пѣснь о Гайаватѣ», въ своемъ переводѣ.

Мы всегда ужинали послѣ чтенія, засиживались поздно. Извозчики громыхали, развозя по Москвѣ полусонной — кого въ Лоскутную, кого на Чистые пруды. А кто и пѣшкомъ брелъ. Я именно такъ и мѣрилъ пространство къ Молчановкѣ, тамъ въ домѣ Сусоколова, въ деревянномъ особнякѣ снималъ антресольную комнату за пятнадцать рублей — съ лежанкою, тополемъ за окномъ, выходившимъ на переулокъ, Гоголевскій, гдѣ за угломъ, на Арбатѣ, и жилъ Бунинъ въ «Столицѣ». Отсюда ходилъ я въ Спасо-Песковскій къ будущей своей женѣ, сюда, по скрипучей лѣсенкѣ, забѣгала и она.

Дорого далъ бы теперь за то чувство жизни... — но о чемъ говорить! Ни дома этого нѣтъ, ни тополя, ни травки, зеленѣющей по двору сусоколовскому, около службъ и каретнаго.

А то, что въ сердцѣ осталось — осталось, и о многомъ не скажешь, но о юной встревоженности и почти восторженности, когда изъ кружка писателей, съ книгой по этой вернулся домой при брезжущей зарѣ московской — это можно сказать.

Теплое было утро, влажное, тихое... — съ каплями росы, благоухающими почками тополевыми. Можетъ быть, слегка даже дождикъ накрапывалъ? Шелъ третій часъ, четвертый. Помню, сидѣлъ у окна раскрытаго, и читалъ эту «Гайавату», и мечталъ о чемъ то, восхищенный, взволнованный. И совсѣмъ стало свѣтло... — а еще что?

И сладкъ жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь

Только и всего. Поэзія была. И что то отъ нея произрастало въ сердцѣ.

***

Въ домѣ Армянскихъ, кораблемъ воздымавшемся на углу Спиридоновки и Гранатнаго, позже мы жили. Надъ переулкомъ свѣшивались вѣтви чудесныхъ тополей и липъ особняка Леонтьева. Недалеко отъ насъ домъ Рябушинскаго, съ собраніемъ иконъ. Недалеко и церковь Вознесенія, гдѣ Пушкинъ вѣнчался — бѣлая, огромно-плавная, съ куполомъ-небосводомъ*).

Въ домѣ Армянскихъ много у насъ уже бывало народу, во главѣ съ тою же Любочкой Р., и профессоръ заглядывалъ, и Бальмонтъ, Сологубъ, Городецкій, Чулковъ, Андрей Бѣлый... — и всѣ Зиночки, Васеньки, Машеньки прежнихъ временъ. И Муратовъ, и Стражевъ, Койранскій, Высоцкій — сверстники и сотоварищи писанья. Иногда спалъ на турецкомъ диванѣ З. Н. Гржебинъ, «Шиповникъ», мой первый издатель, пріѣзжавшій изъ Петербурга. Какъ «не-аріецъ» не имѣлъ въ Москвѣ права жительства — останавливался у насъ.

И, конечно, бывалъ здѣсь Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Духъ былъ богемскій и безтолковый. Путано, шумно, нехозяйственно — но весело. И весьма молодо. Въ сущности, то же, что и у Любочки Р., только безъ пѣнія и циркулярнаго психоза. И съ преобладаніемъ литературы, еще большимъ на ней удареніемъ. Очень много читали здѣсь вслухъ — и я самъ, и другіе. И Бѣлый, и Бунинъ. Старше насъ, но отчасти межъ Зиночекъ, Любочекъ, Діесперовыхъ и Гриф цовыхъ молодѣя, читалъ Бунинъ стихи.... Вновь насъ обольщалъ. «Острый Сиріусъ блисталъ», олень мчался средь чащу зимнюю, въ лунную ночь волки брели по снѣгамъ къ гумну. Или

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычу жду. Скудна,
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я смѣло въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна.

Силы жизни, жажды жизни много въ немъ было въ тѣ года.

На одномъ сборищѣ такомъ встрѣтилъ онъ у насъ тихую барышню съ леонардовскими глазами, изъ старинной дворянской семьи... Вѣра Николаевна Муромцева жила у родителей въ Скатертномъ, училась на курсахъ, вела жизнь степенную и просвѣщенную. Не безъ удивленія, конечно взирала на весь кавардакъ безшабашный нашъ — хотя съ женой моей была въ давнишнихъ добрыхъ отношеніяхъ.

Тотъ вечеръ закончился частью въ Литературномъ Кружкѣ, частью въ Большомъ Московскомъ — очень поздно, и врядъ ли могъ кто либо тогда подумать, что недалеко время, когда обратится Вѣра Николаевна Муромцева въ Вѣру Николаевну Бунину.

Но это именно и случилось. И весной слѣдующаго года уѣхали они въ дальнее путешествіе.

***

Помню чтеніе «Астмы» въ домѣ Муромцевыхъ, въ комнатѣ Бунина съ гильзами, табакомъ — комнатѣ какъ бы помѣщичьяго дома (только ружей на стѣнѣ не хватало, да лягавой собаки). «Деревню» читалъ авторъ нѣсколько вечеровъ, въ столовой, подъ висячей лампой, тоже по-деревенски. Слушали: братъ Юлій, Телешовъ, покойный Грузинскій, да мы съ женой. Это было уже другое — новая полоса въ писаніи его, да и въ жизни иное пришло. Онъ крѣпъ, росъ, временно отходилъ отъ лирики болѣе молодыхъ лѣтъ. Черезъ два-три года выбрали его въ Академію, по разряду изящной словесности, и мы бурно отпраздновали это событіе въ московской «Прагѣ». Нѣсколько позже — 25-лѣтній его юбилей, тоже очень торжественно, на всю Москву, чуть не цѣлую недѣлю. Это значитъ, уже «маститый», академикъ...

Жизни же наши шли, какъ кому полагалось. Вмѣстѣ приближались мы къ рубежу, въ грохотѣ и огнѣ котораго погибло все прежнее — кромѣ таинственныхъ слѣдовъ въ памяти и душѣ. Къ нимъ и обращаешься теперь, какъ бы изъ другого міра....

Они не измѣнятъ. Хранятъ свѣтъ и восторженность молодости, облики милыхъ лицъ. Можетъ быть, не совсѣмъ понапрасну и было все это?

Бор. Зайцевъ.

*) Нынѣ разрушена.